

Пролог

Эти люди внешне не отличаются от других, потому что все отличия скрыты глубоко внутри, а если и проявляют себя, То совсем незаметно: они иначе осматриваются по сторонам; они знают, где находятся болевые и смертоносные точки человека; они не просто глазают на системы банковской сигнализации, а в надежде обнаружить их слабые места; они знают, куда именно надо закладывать бомбу под днище автомобиля; они осведомлены об уязвимых местах самолетов... Это *преступники*. Они маскируются и пытаются затеряться среди других людей, они подделывают документы, заматают следы и прячутся, но их потаенные знания проявляют себя в чертах внешности, манерах, поведении, лексиконе и десятках других специфических привычек.

Есть другие люди, которые умеют различать эту специфику, знают их повадки и хитрости, их связи и места, где они прячутся. Они умеют вычислять преступников, находить их норы, выманить и захватывать, как захватывают самых ядовитых змей и самых опасных зверей. Это копы, ажаны, *полицейские*, короче — менты.

Криминальная жизнь любого общества состоит из противостояния преступников и тех, кто на них охотится. В благополучном государстве это противостояние занимает крайне незначительный сегмент и не касается обычных граждан. В коррумпированных странах криминал пропитывает все поры общества и является одной из важнейших составляю-

щих жизни. Да и сами граждане не столь четко разделяются на законопослушных и правонарушителей: очень часто вполне приличный по формальным признакам член общества имеет криминальную червоточину, затрагивающую его существо наполовину, на четверть или совсем-совсем немножко, настолько немножко, что вроде как и не считается... Но даже чуть тронутое коричневой прелью яблоко считается гнилым и подлежит выбраковке.

Глава 1

Менты и бандиты

Порок не наказывает, а добродетель
не вознаграждает — вот пружина,
которая движет современным миром.

Наблюдение автора

«Лотте»-отель считается самым крутым в Москве. Последние годы это звание держал «Ритц—Карлтон», выстроенный на месте знаменитого некогда «Интуриста» на Тверской — просторный холл, толстые колонны из черного, в белых прожилках, мрамора с тяжелой золотой отделкой, помпезные черно-золотые люстры и прочие атрибуты богатства и процветания... Но мода не терпит стагнации, и когда на Новинском бульваре поднялись новые корпуса, начиненные не хуже, а может, и лучше, чем «Ритц» — и мраморные колонны, и мозаичные полы, и восьмиметровая, на несколько этажей, хрустальная люстра, и компетентный персонал, вымуштрованный на корейский манер спрашивать мнение гостя по любому поводу, включая вопрос — понравилась ли ему выставленная в номере вода, по цене коньяка в обычном арбатском гастрономе, — то общественное мнение решило, что «Лотте», безусловно, вышел на первое место.

В некоторых СМИ «Лотте»-отель позиционировали даже как «семизвездный», подобно дубайскому «Бурдж аль Араб»,

название которого наши соотечественники, регулярно там проживающие, запомнить и выговорить никак не могут, ибо деньги в этом сложном интеллектуальном процессе, увы, не помощники, а потому называют просто и без затей: «Парус» — тем более, что «Арабская башня» по форме действительно напоминает надутый попутным ветром носовой кливер фантастически огромной и столь же неправдоподобно успешной шхуны. Но и «Бурдж аль Араб», и «Атлантис» на Пальмовом острове, и подражающий роскошью дворцу эмира «Эмирейт пэлас» в Абу Даби, как бы они себя ни позиционировали и как бы их ни пиарили, оставались пятизвездными, поскольку это высшая оценка официальной классификации и все перечисленные отели занимают в ней высший сегмент. И «Лотте», конечно же, был пятизвездным, но со знаком «плюс» или модной в последнее время добавкой «премиум».

На девятом этаже ресторан высокой кухни «Изыск», где правит бал шеф-повар Гарнье, естественно — француз, обладатель трех мишленовских звезд и знаменитого «бретонского» носа кренделем. Общественное мнение считает, что это лучший французский ресторан в Москве. Что только здесь подают настоящий буйабес, каре ягненка, цыпленка «мон-моранси», фонбрюн, рататуй и прочие трюфели. Говорят, Гарнье — гений и колдун, последний из друидов. Ходят слухи, что только через голубя по-парижски, фаршированного фуа-гра и трюфелями им собственноручно, можно постичь загадочную галльскую душу...

Однако ни голубь, ни тем более галльская душа не интересовали шестерых мужчин, обосновавшихся сейчас в уютном кабинете на десять персон, у широкого окна, под которым далеко внизу катился сплошной многорядный автомобильный поток.

На столе — покрытая инеем бутылка в виде бивня: модная водка «Мамонт», и тарелки с изысканно выложенными легкими закусками. Зато лица — тяжелые, как ожившие булыж-

ники, традиционные «портреты» обитателей криминальных московских окраин. Но сейчас они взяты в совершенно иное обрамление. Золоченые рамы этих портретов не снились былым королям Марьиной Рощи, герцогам Сходни или баронам Новогиреево. Тысячедолларовые костюмы, шелковые рубашки, золотые цепи в палец толщиной, на краю стола небрежно валяется брелок *Porsche* с одноименным автомобильным ключом и пейджером сигнализации.

Только один из посетителей одет предельно свойски, подомашнему: в черный спортивный костюм «Фред Перри» и пляжные сланцы на босу ногу. Это — Толик Буржуй, хозяин центра столицы и прилегающих территорий. Недавно он купил самолет и теперь всячески подчеркивает свою простоту и отсутствие понтов. Он мог куда угодно прийти хоть в семейных трусах, ему все равно предложили бы лучшее место. На французскую кухню он плевал и ни буйабеса в ней не понимает, а из мишленовских «примочек» знает только шипованную резину, но этих знаний ему вполне хватает для хорошей жизни. А идея провести «стрелку» именно здесь пришла ему по одной-единственной, действительно простой причине: просто он живет неподалеку.

— Чё случилось, Буржуй? Чё за терка? — поинтересовался Сан Саныч, самый старший в компании — грузный, седой, с обвисшими щеками. Погоняло у него было Фома Московский. Он «держал» Чертаново и южные новостройки, причем несмотря на свои пятьдесят восемь силу не потерял и авторитет сохранил.

— Юбилей сегодня, праздновать будем, — усмехнулся Буржуй. У него большое овальное лицо и круглые розовые щеки. Когда-то такими на политических рисовали капиталистов в цилиндре и с сигарой. Может, и погоняло оттуда, из давних газет. А может, и нет.

В углу, под потолком, закреплена на кронштейне телевизионная камера местной службы безопасности, но она нико-го не волнуется: здесь собрались не мелкие бакланы, не какая-

то шелупень, которая от ментов прячется по занюханым притонам. Времена изменились — Буржуй и его компания нынче в уважухе, с большими начальниками дружбу водят и бабло делят, с артистами на короткой ноге, бандитами их никто не называет — только авторитетными бизнесменами, элитой общества. От этой «элиты» менты сами шарахаются. За редкими, правда, исключениями...

— Какой еще юбилей? Ты же декабрьский...

— Забыли, кореша...

Буржуй поднял рюмку на уровень расплющенного носа. Без улыбки лицо его напоминало передний торец несущегося на всех парах локомотива. Да и с улыбкой тоже.

— Память короткая. Указ тринадцать-шестнадцать забыли, по которому РУБОПы расформировали. А ведь жить нам го-о-ораздо легче стало! Вот за это и пьем.

Еще одна, установленная в карнизе шторы, миниатюрная камера фиксирует скупые и уверенные движения, ленивую речь. Неизвестно, кто эту камеру установил, неизвестно, кому понадобилось подслушивать и подсматривать за Буржуем и компанией. Но, видимо, этот неизвестный обладает немалой властью и возможностями: камера установлена профессионально, со стороны она кажется шляпкой винта, а ее стеклянный глаз не дает бликов. Такие «игрушки» не продаются на Мытищинском рынке и в магазинах сети «Спай»...

Все выпили, Саныч — последним.

— Да-а... «Шаболовские»¹ лютовали, хуже некуда! — задумчиво сказал он. — Помню, Банщика в 97-м на «Баррикадной» мордой в асфальт положили... Самого Банщика, да-а! Разделали, как борова на мясокомбинате, — и по этапу... Отморозки конченые!

Присутствующие закивали головами: что правда, то правда. Банщик считался когда-то одним из авторитетней-

¹ «Шаболовские» — жаргонное название сотрудников московского РУБОПа, производное от его местонахождения.

ших московских «законников», а случай на «Баррикадной», положивший конец его воровскому счастью, стал событием эпическим, вроде всемирного потопа или Второй мировой войны.

— Он так больше и не поднялся с той поры, — заметил Снегирь, удельный князь Химкинский, большой любитель золотых цепей и прочей эффектной «рыжухи».

— Не поднялся, — подтвердил Санеч. — И не только он...

— РУБОП был хуже всех ментов, прокуроров и «конторских» вместе взятых! — зло процедил Пластилин, король Измайлово и Новогиреево. Когда-то он окончил цирковое училище, а погоняло свое словил за гибкость тела и подвижную мимику лица. Славился он тем, что умел снимать наручники, не расстегивая, даже если руки сковывали за спиной.

— Сколько они нам крови попортили, сколько ливера отбили! А скольких ребят постреляли или на всю жизнь законопатили! Спасибо, что разогнали этих беспредельщиков...

— Спасибо, — согласился Буржуй, почесывая мощную шею. — Никто не верил, что указ тринадцать-шестнадцать продавят, а его продавили. Бабла и времени ушло немало, это верно. Но бабло правит миром, и мы это понимаем. А на Шаболовке не понимали. Поэтому они в жопе, а мы — в ресторане.

Сотрапезники сдержанно рассмеялись. Они еще не знали, зачем Буржуй созвал их сюда, но явно не для того, чтобы выпить-закусить и зубы поскалить. Всем присутствующим было известно, что у Буржуйя есть связи на самом верху, все помнили, что он загодя был в курсе о расформировании РУБОПов... Кстати, по этому поводу была устроена грандиозная пьянка в СК «Олимпийский» с девочками и шампанским, три ночи гудели, Шмайсер тогда свою новую «ауди» расхерачил по пьяни. И вот сейчас Буржуй снова заговорил про РУБОП — к чему бы это? Или есть новости с того берега?

– О, вспомнил! А у меня анекдот в тему! – встрял быстрый и скорострельный Шмайсер, лидер «очаковских». Он выглядел старше своих сорока двух, лицо будто покрыто сходящим загаром, глаза желтые: он маялся печенью, и каждый год ездил лечиться в Германию.

– Старый, еще тех времен – про рубоповца Козлова!

У Шмайсера всегда есть анекдот в тему, в этом его фишка. И в этом беда окружающих.

– Это где три брата-узбека? – поморщился Пластилин. Он был худой и очень гибкий: сковать руки за спиной – пролезет над наручниками, и вот они уже впереди, если в зубах кусок проволоки, то через минуту вообще освободится.

– Не-е!

– Про Иуду, что ли?

– Да не! Про Козлова, про рубоповца, говорю же!

– Это где он медведя поймал. Слышали, отсохни! – махнул рукой бритый наголо Переводчик – граф Строгинский и Тушинский.

– Сам отсохни! – набычился Шмайсер. – Ты слышал – другие, может, не слышали!

У него была еще одна слабость – дорогие спортивные машины, это он сегодня прибыл на «порше». Водитель из него был такой же, как и рассказчик анекдотов, поэтому машины он гробил с завидной регулярностью.

– Я тоже слышал. И все слышали. И ша на этом, – подвел черту Буржуй. С ним Шмайсер спорить не смел.

– Я вас по другой теме собрал...

Все притихли, подобрались. Скрытая камера бесстрастно фиксирует, как ходят желваки под кожей Переводчика, как блестят желтые глаза Шмайсера. И как тяжело, как угрюмо смотрит на них обоих Буржуй – он не любил пустых споров.

– Тиходонскую «мясню» помните?

– Еще бы!

Сотрапезники нервно зашевелились.

– Это мусорские прокладки. «Белая стрела», или как она у них называется... Всех серьезных воров зараз положили...

– А если за нас возьмутся? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил Шмайсер. – Вдруг сюда зайдут с автоматами и тра-та-та-та...

Он изобразил стрельбу от живота веером и, не выдержав, расхохотался.

Шутка не понравилась.

– Тьфу-тьфу! – Фома Московский перекрестился. По моде новейшего времени все они стали глубоко верующими. – Не накликай беду!

– Чего смешного?! – поддержал Фому Буржуй. – Если зайдут, тебя тоже живым не оставят! Будешь мертвяком зубы скалить!

– Харэ, харэ, я пошутил, – пошел на попятный Шмайсер, и разговор вернулся в прежнее русло.

– Не о том речь, кто да как их положил, – повысил голос Буржуй. – Тут нам другое интересно...

Услышав про интерес, все замерли и насторожились.

– У меня недавно кореш один гостил из Тиходонска, Антон. Слыхали?

Трое из шести кивнули.

– Так вот, там у них безвластие. Смотрящим поставили Босого. Кто его знает?

– Ну, есть такой, – сказал Сан Саных. – Старая гвардия. Откинулся недавно.

– Еще кто? – Буржуй оглядел остальных. Все молчали. Больше никто Босого не знал.

– Вот то-то, – удовлетворенно кивнул Буржуй. – Поэтому порядка там нет, каждый делает, что хочет, территорий не признают, гавкают друг на друга, грабят у своих. Такая, братва, у них на сегодня обстановка...

Буржуй собственноручно разлил водку по рюмкам.

– Тиходонск – богатый купеческий город, там всегда цеховики, деловики водились, всегда бабло делали. А сейчас там пол-

ный разброд. Каких-нибудь семеро химкинских гопников всех там к ногтю приберут и даже не вспотеют. Понимаете, к чему я?

— Химкинские нигде не потеют! — гордо заметил маленький, юркий Снегирь, который до сих пор сидел молча.

— Ты чего, Тиходонск под себя взять предлагаешь? — догадался Саныч, как самый поживший.

— В цвет, — благосклонно кивнул Буржуй. — Поставим туда своих, будем бабло качать. Я пробил цену вопроса. Там «Сельмаш», там ликеро-водка, донской табак, подшиппники-х...ипники, вертолеты и хрен знает что еще. Не говоря уже о наркоте, оружии и прочем кавказском транзите. Миллионы долларов, только наклониться и поднять. Что скажете?

За столом воцарилось молчание. Беззвучно работала скрытая камера, накапливая гигабайты информации. Пластилин озабоченно перекривив физиономию так, что нос оказался слева, а рот справа, рассматривал невидимое пятно на своей рубашке, Шмайсер теребил в руках брелок от «порше», Переводчик с хмурым видом жевал карпаччо, Снегирь обменялся с Санычем многозначительными взглядами и уткнулся в окно.

— А кто наклоняться-то будет? — спросил, наконец, Шмайсер. Остальные тоже заинтересованно обратили мрачные взгляды к Буржую. Дело ясное: погонишь за бабками в Тиходонск, а здесь, в Москве, твой каравай захватят и обратно не пустят...

— Перспективного пошлем, растущего, — сказал Буржуй. — Вот Жору Каскета, например. Он молодой, а «корону» уже доверили...

Пластилин шумно, по-мальчишечьи, потянул носом, что слабо вязалось с его вальяжными манерами и солидным прикидом.

— Это который в Мытищах торговцев «пиковых»¹ порезал? — уточнил он.

— Да, «пиковых» Жора не любит, это верно, — сказал Буржуй. — Их никто не любит. А Жора — человек жесткий. Именно такой в Тиходонске и нужен.

¹ «Пиковый» — выходец с Закавказья, как правило, из Грузии.

— А чего он в воры полез, если зоны не нюхал? — спросил Шмайсер, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это его дело, — возразил Саныч. — Сейчас время такое. Кто что хочет, то и делает.

— Да нормальный пацан, братва, не ссыте, — сказал Буржуй примирительно и в то же время нетерпеливо, потому что хозяин Нового Арбата не любил размазывать белую кашу по чистому столу. — В говне не валялся, чужих на х... посылает, со своими делится. У него своя бригада, парни крепкие, серьезные. Все будет в ниточку. Кто-то не верит?

Возражать никто не стал. Все верили. Или делали вид, что верят.

— Ну, вот и ладно.

Буржуй поднял рюмку.

— За расширение Московской кольцевой до Тиходонска!

После этих слов дверь кабинета открылась, как по вызову появился мсье Гарнье, который самолично обслуживал наиболее уважаемых гостей. Он был в крахмальном поварском колпаке, со своим знаменитым носом и накрытой блестящей мельхиоровой крышкой тарелкой в руках. За ним шли три официанта с такими же тарелками и блестящими крышками. Их появление было встречено одобрительным хмыканьем.

— Может, француза на Тиходонск поставим? — спросил Шмайсер и сам заржал. На этот раз его юмор понравился. Все засмеялись и принялись развивать шутку.

Скрытая камера продолжала работать, хотя «терка», по всем приметам, уже закончилась и начиналась обычная пьянка...

* * *

Судьба Василия Михайловича Ныркова, как и судьба любого милицейского начальника, напоминала прыгающий температурный график больного лихорадкой, либо зубчатую